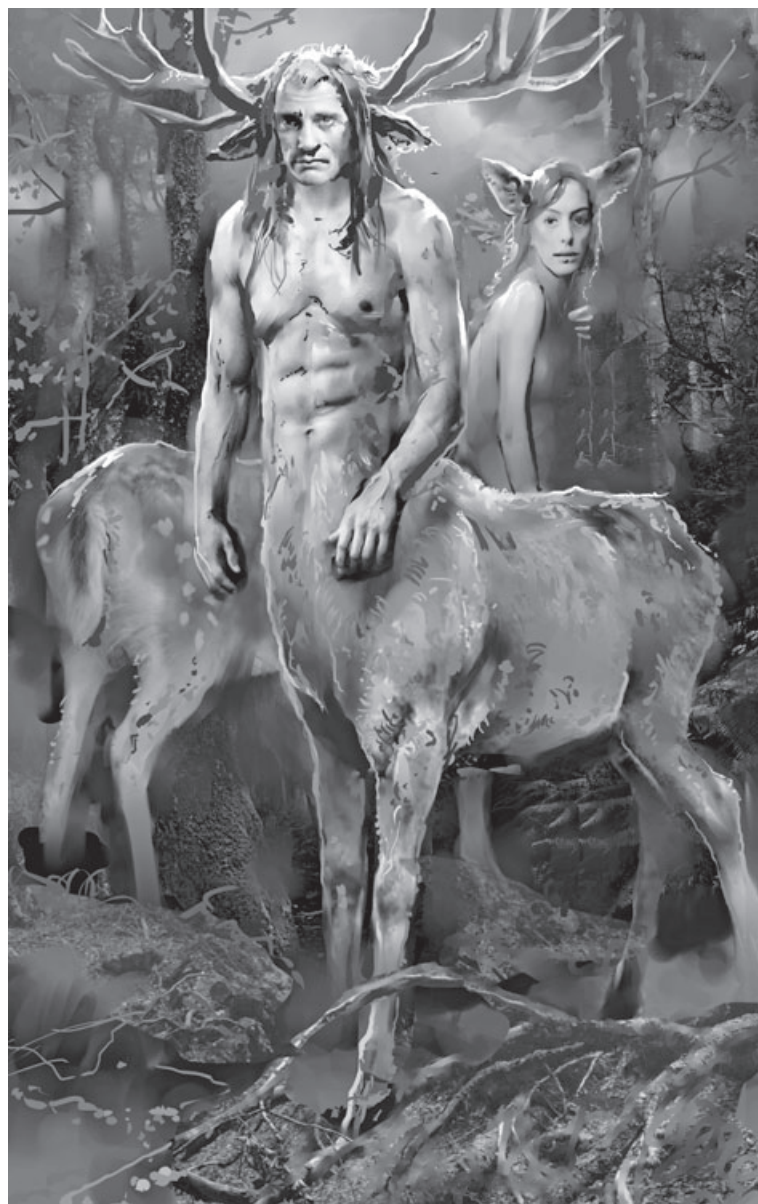

Книги Ильи Крымова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ДЕТИ СИЛАНЫ. ПАУК ИЗ БАШНИ
ДЕТИ СИЛАНЫ. НАТЯНУТАЯ ПАУТИНА**
(в двух томах)

**БЕЛОЕ ПЛАМЯ ДРАКОНА
ДРАКОНОВ БАСТАРА
ДРАКОНОБОРЕЦ**
(в двух томах)

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИЛЛЯ КРЫМОВ

ДРАКОНОБОРЕЦ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Москва, 2017
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К85

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1073

Художник
М. Поповский

Крымов И.
К85 Драконоборец: Фантастический роман в двух томах.
Т. 1. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. —
282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2489-4
ISBN 978-5-9922-2490-0 (т. 1)

Долгие пять лет по Вестеррайху рыскали агенты Инвестирации и фактотумы Шивариуса Многогранника, пытавшиеся найти одного-единственного волшебника, владевшего множеством тайных знаний и ответами на животрепещущие вопросы. Долгих пять лет он прятался в медвежьем углу, практикуясь в Искусстве, совершенствуясь и борясь со своими демонами. Пришло время покинуть тихую гавань и вновь вспомнить о том, что он Тобиус Мошь, самый молодой и дерзкий магистр Академии Ривена. В его руке ключ к древней тайне, в его сердце злая память и решимость отомстить, а вокруг него стоят короли и архимаги, называющие его героем и доверяющие ему судьбы своих держав. Серый магистр вновь возвращается в мир.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2489-4
ISBN 978-5-9922-2490-0 (т. 1)

© Илья Крымов, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ПРОЛОГ

Румяна всегда поднималась раньше отца и матери. Она умывалась, заплетала косу и шла по утреннему холодку выпускать кур и кормить свиней. Распалить горн в кузне — тоже была ее работа. Обычно к этому времени на пне возле поленницы уже сидел Томех Бэлза по прозвищу Бухтарь, который всегда появлялся до первых петухов. В тот день он тоже там сидел, сонно чесал свою безобразную седовато-русую бороду и дымил люлькой, выточенной из кукурузного початка.

— Опять затемно явился? И чего не спишься тебе?

— Брх-мрх-мрсм...

— Эх, ну и дурень! Чем честнее человек — тем крепче его сон, не слыхал такого?

— Ухм... нав-мрам...

Румяна покачала головой и открыла ворота кузни. Вообще-то при отце она не осмелилась бы так говорить с Бухтарем, но пока тот спал, можно было и поворчать.

Когда пламя в горне приобрело нужную силу, а заготовки в его горячем жерле раскалились добела, она вытянула одну щипцами, уложила на наковальню, и Бухтарь со звоном опустил на прут большой молот — искры ринулись во все стороны. Румяна ударила два раза маленьким молотком и перевернула заготовку, чтобы Бухтарь вновь обрушил на нее большой молот, и так раз за разом. Бил он умело и точно, и даже то, что не хватало правой руки, не мешало работе. Бывший наемник вообще все хорошо делал своей единственной рукой и дичился, когда кто-то пытался ему помочь.

В кузню вошел отец, уже немолодой, но крепкий мужчина, такой же седовато-русый, как и Бухтарь. Он кивнул дочери и помощнику, взял третий молот и влился в работу.

Через несколько часов пришла пора передохнуть, и Румяна с отцом вернулись в дом, где мать уже накрыла на стол. Бухтарь вернулся на колоду и закурил. Он перестал трапезничать вместе с ними с тех пор, как вдова Лешек повадилась носить ему еду. Вот и опять она вошла к ковалю во двор, высокая, немного полная, румяная женщина в опрятном и довольно дорогом сарафане.

Румяна, смешивая в миске манку с сахаром, наблюдала через маленькое окошко, как угрюмый калека запивает хлеб и мясо парным молоком, а Ива любителю на него, будто на чудо какое-то.

— Ма, а правду говорят, что Ивка к Бухтарю в женки набивается?

Богдана отвесила дочери подзатыльник.

— Не твоего ума это дело, девка, ешь давай!

Мать семейства поймала взгляд мужа и пошевелила бровями.

— А если даже и так, то что? — скрипнул он, уткнувшись в свою миску. — Бухтарь мужик ладный, на все дела мастер, даром что кривой. В шинке, почитай, и не бывает, коваль, плотник, цирюльник, вой в прошлом, кругом молодец. А Ивка уже давно траур относилась, все чин по чину. И сорванцы Лешек только его во всей деревне и слушаются. Славно пришелся бы такой мужик да на Ивкино крепкое хозяйство... Тебе, Румянка, тоже неплохо было бы приглядеться, хорошие мужики — они ить не на каждом углу встречаются.

Девушка вспыхнула.

— Мне?! К такому старому присмотреться?! Да в своем ли ты... — Она запнулась, чувствуя затылком занесенную руку матери, и резко сменила тон: — Ты, конечно, во всем прав, батюшка, но не по сердцу он мне, пускай уж вдова Лешек свой кус счастья отхватит, а мне Господь другого пошлет.

Вскоре, звеня бубенцами, во двор въехала бричка Миклоя Зданека — известного коневода, поставившего лошадей даже в королевское войско. Почтенного гостя сопровождал его сын Лех. Господин Зданек обменялся приветствиями с хозяином, а потом Румяна уложила на стол перед заказчиком сверток. Внутри ждала сабля.

— Вот смотрите, милсдарь, как и было заказано, отковали мы из того железа сталь высшей пробы, а рукоятку обогородили конской головой чеканного золота. Ножны новые, Томехом выточенные и конской кожей обтянутые.

Сабля перешла в руки Леху, молодец вышел во двор и принялся знакомиться с оружием, Румяна вышла следом. Коваль и заказчик решили обмыть состоявшуюся сделку, тем более что Богдана уже накрывала стол.

Бухтарь сидел на корточках возле ворот кузни и дымил, следя, как Лех красуется перед Румяной, а та только и рада была. Она и сама не замечала, как начинает теребить кончик толстой черной косы — большой редкости в Диморисе, где, почитай, все русыми урождались испокон веку, — и алеть, словно уложенное в горн железо.

Румяна была красавицей, хотя и не совсем обычной. Ее родители долго не могли завести детей, но в конце концов Господь-Кузнец послал им ее. Девчонка, а потом и девица получилась знатного роста, отцовская наука сделала ее широкоплечей и крепкой, а благодаря жару горна она всегда оправдывала свое имя. Когда пришла пора созревания, Румяна расцвела всем на зависть, широкие плечи ничуть ее не портили, коса была толще мужской руки, а шея длинна, словно у лебедя. Только цвет волос удивлял. Некоторые бабы судачили у колодца — мол, не от Дорота она такая чернявая, а от какого-нибудь залетного шехверца, но коваль жене верил железно и единственную дочь свою любил безоглядно.

Румянка была выше большинства деревенских парней, сызмальства играла с мальчишками наравне, а повзрослев, не видела с ними своего будущего. То ли дело Лех Зданек, единственный парень в округе, кто был выше ее, златокудрый, статный, белозубый, с молодыми усиками, которые

когда-нибудь превратятся в настоящие гусарские усы. Под его взглядом Румяна алела, и начинал ее распирать томящий внутренний жар.

— А что, коваль, правду говорят, что ты воем был? — спросил Лех, закончив свои упражнения и глядя то на оружие, то на Румяну.

Бухтарь вынул кукурузную люльку и ответил, выдыхая дым:

— Наемником, милсдарь. Служили хозяевам многим и разным, это да, но в королевском войске не был.

— Что скажешь, хорошо я с саблей обхожусь?

— Ладно вроде бы. Но у меня топор был и щит, а с саблями да мечами я не умею.

— Вот как?

— Но вы ведь в королевскую гусарию наниматься собрались, верно, милсдарь? Коли так, то кроме сабли вам бы с пикой уметь. Гусарии главная сила — удар конными рангами и взлом пешего построения, а уж потом, ежели первая ранга преуспела, то и сабли в бой идут и пистолеты, дабы успех укрепить... Хотя ежели найметесь, то до срока вас в первую рангу и не поставят, будете во второй или третьей, как раз с саблей наготове.

Его речь как-то сама собой стихла, будто калека вспомнил, что слишком давно не затягивался, и сразу же исправил это упущение.

— Что ж, раз ты и впрямь такой смысленый в войском деле, то, может, присоветуешь, как быстрее подняться в звании?

Румяна следила за мужчинами молча, хотя ей не нравилось, что теперь все внимание Леха принадлежало Бухтарю.

— Ну, можно, конечно, взятку дать, но, судя по вашему лицу, милсдарь, этот путь не про вашу душу. Еще можно боевой подвиг совершить, защитит офицера, защитит хоругвь от поругания либо, еще лучше, захватить вражескую хоругвь или вражеского военачальника. Однако же, — его левая рука произвольно потянулась к правому плечу, но Бухтарь это заметил и вовремя пресек, — по опыту могу судить, подвиги иногда дорого стоят. Так что вот вам лучший

совет: не ходите вы в гусарию. У вас ведь есть семейное дело, здоровье, и собой вы недурны. Растите коней для войска и живите себе в благополучии. Самое милое дело.

Услышав такой совет, Лех скривился, не тая разочарования и презрения.

— Слова неудачника.

— Скорее наученного жизнью человека.

По крыльцу уже спускался пан Миклой, и Лех спрятал саблю в ножны. Вскоре звонкая бричка уехала.

День продолжился в обычном порядке, однако Румяна до самого вечера была в дурном настроении. С недавних пор мысль о том, что Лех вскоре станет королевским воем, сильно пугала ее. Бухтарь, конечно, тот еще грубиян, но с его советом девушка склонна была согласиться.

За вечерней трапезой она все больше молчала и без аппетита возила ложкой в тарелке с репой, чем вызывала ворчанье матери.

— Завтра праздник весеннего равноденствия, и пан Зданек напомнил, что устраивает на ромашковом лугу большое гуляние, ибо в этот день родился его сын. Он даже пригласил заграничного магика, мастера в деле небесных огней или чего-то такого. Соберется народ со всех окрестных деревень.

Дочка коваля задержала дыхание. Она, как и вся молодежь округи, грезила этим праздником и отчаянно боялась, что родители запретят ей идти. Богдана вопросительно глянула на мужа, а Дорот некоторое время молчал, будто смущенно, и глядел в миску.

— Ну, невежливо будет не пойти, раз пан Зданек самолично позвал, так что...

— Да дыши уже, девка! — рассердилась мать. — Пойдем мы туда и отпразднуем, ибо что ж, все люди как люди, а ковали в черном теле? Не дело это. Вот, кстати, есть для тебя кое-что.

Богдана отошла к своему собственному сундуку, который Румянке с самого детства настрого запрещала открывать, и достала оттуда — дочь охнула и вскочила — новенький красный сарафан, расшитый кружевами и цветной вы-

шивкой. Девушка, даром что была на голову выше своей родительницы, запрыгала вокруг, словно маленькая девочка.

— Это тебе Бухт... тьфу, прости господи! Это тебе пан Бэлза по нашей просьбе привез из Стгирова, когда последний раз на тамошнюю ярмарку ездил. Все-таки золотой у него глаз: словно на тебя сшито!

Пан Зданек слыл в округе человеком щедрым, и полноте своего старшего сына Леха он праздновал с большим размахом, пользуясь тем, что мархот в этом году выдался жарким и солнечным, словно конец эйхета. По такому случаю в лугах было устроено грандиозное гуляние с едой, выпивкой, высокими кострами и музыкантами. Развлекать гостей даже пригласили мага Дыма и Искр из архаддирского университета Мистакора.

Выступление его перед многочисленной публикой имело невероятный успех. Магик вышел к людям в длиннополом камзоле темно-серого, почти черного цвета, украшенном красно-оранжевой вышивкой, а потом начал творить огненное волшебство, наполнять ночное небо грохочущими и свистящими вспышками, плести из дыма иллюзорных танцовщиц и стравливать над многоголовой толпой пламенных духов.

Румянка смотрела на представление с восторгом, и хотя она всю жизнь провела в кузне, ежедневно видя силу и красоту огня, то, что творил волшебник, казалось воплощенным чудом чистой красоты. Даже пьяное бухтение Бухтаря о том, что, мол, знавал он волшебника, который драконов с полпинка разгонял и не занимался такими вот жалкими фокусами, ничуть не испортило удовольствия.

Вскоре Румяна уже крутилась в вопящем хороводе вокруг костра. Она была молода, и весь мир казался ей прекрасным добрым местом, особенно когда небо то и дело разрывали красочные взрывы синих, зеленых, золотых и красных цветов. Девушка дышала свежестью весенней ночи и восторгом от жизни, переполнявшей ее.

— Здравствуй, Румянушка.

Золотистый всполох осветил лицо Леха Зданека, которое тепло улыбалось ей.

— П-пан...— От неожиданности она стала запинаться.

Юноша присел в приглашающем жесте, и она, не думая, взяла его за руку. Музыканты играли колобенку, резвую и веселую, а танцевал Лех знатно, и улыбка его сверкала, и смех Румяне на сердце медом лился. К завершению танца они оба, успев слегка вспотеть и как следует запыхаться, поклонились друг другу, а потом юноша подступил к ней и промолвил:

— Пойдем со мной.

— Куда?

— Пойдем, хочу поговорить с тобой без этого шума и без этой суеты.

— Но мне нельзя!

Молодой человек мягко улыбнулся, отступая назад, и, сказав еще раз «пойдем», первым зашагал прочь, даря ей выбор. Румяна заметалась между предостерегающей мыслью в голове и горячим желанием в сердце.

Он спускался по пологому склону маленького, покрытого ромашками холмика, когда девушка его догнала.

— Куда вы, пан Лех? — взволнованно спросила она.

— Зови меня просто Лех, — улыбнулся он. — Я иду к ручью, там есть такой укромный изгиб, на котором детвора любит запруды строить, знаешь?

— Знаю, но...

— Там тихо, спокойно, а журчание ласкает слух. Идем, мне хочется многое тебе сказать.

Оказалось, что на берегу ручейка было расстелено одеяло, а на нем лежала корзина со всякой изысканной съестной всячиной и даже большая красивая бутылка с игристым архаддирским вином.

Потом они говорили. Румянке в жизни не задавали столько вопросов и не слушали ее ответов так внимательно, как это делал он, а главное, девушка никогда прежде не ощущала такого удовольствия, рассказывая кому-то о своей обыденной, в общем-то, жизни. О себе Лех говорил мало, все

больше желая слушать, что зачаровывало. А еще он хорошо знал карту звездного неба.

Румяна и сама помнила несколько созвездий, главным из которых конечно же было созвездие Плуга, его вместе с еще пятью звездами порой называли Пахарем. Плуг много веков назад был помещен на королевское знамя и флаг Димориса вместе с символом Святого Костра, так что его знали все. Но Лех показал Румяне Гигантов, Огненного Пса, Трех Сестер, ярко-синюю звезду, которую он назвал Блуждающей, якобы потому, что она появляется в разных частях небосвода. А еще он очертил для нее огромное созвездие Дракона, главной звездой которого была особенно яркая золотисто-желтая звезда, именованная Драконовым Оком. По нему мореходы могли прокладывать себе путь в ночи.

— Ты слышала миф о сотворении мира? — шепотом, коснувшимся самых сокровенных струн ее девичьей души, спросил Лех.

— Г-г-господь-Кузнец создал...

— Да, так говорят мольцы в храмах, но есть и другой миф, во сто крат старше самой Церкви.

В любой другой раз с любым другим человеком Румяна тут же оборвала бы разговор. Диморис находился в составе Папской Области, и люди его веками опирались на путеводный свет церковного учения, а потому малейший намек на нечестивые речи немедля вызывал в них тревогу из страха перед гневом Господним, но... но Леха девушка готова была слушать сколько угодно.

— В книгах эльфов писано, — продолжал он, — что изначально была только вода, и было яркое солнце в небе, а вокруг лишь вековечный стылый мрак. Но из мрака прилетел исполинский дракон, и, подобно мотыльку во тьме, стремился он к солнцу, не в силах отвести от него глаз. А когда дракон подлетел слишком близко, светило опалило его, и он пал в мировые воды запертво, обратившись первой твердью. Солнце же от удара исторгло из себя бесчисленное множество ярких искр, кои разлетелись во все стороны и осветили пустоту вселенского мрака. То были звезды.

— Как искры от железа, по которому бьет молот?

— Очень похоже. — Лех заглядывал в самую душу Румяны и улыбался.

Потом он говорил уже другие слова, сладкие и пылкие, которые пьянили Румяну сильнее вина, и под их мягким напором все, что было раньше важно, теряло важность, все, чего она боялась, больше не страшило, и весь мир сузился до пульсирующего жаркого поцелуя и до сильных, но ласковых рук на ее теле. Она решилась.

— Пошел в атаку наш гусар со вздыбленную пикой...

Юноша и девушка отпрянули друг от друга. Новый взрыв небесного света выхватил кривой силуэт Бухтаря, стоявший в нескольких шагах от них с бутылью из-под медовухи в руке. Лех опрометью вскочил.

— Тебе чего здесь надо?

— Ничего. Просто охрану несу. Вдруг из реки топлец вылезет или, того хуже, уболоток какой?

— Ступай-ка отсюда подобру-поздорову!

— Я «подобру» и здесь постоять могу, а «поздорову» мне уже поздновато, — пьяно засмеялся Бухтарь, самую малость покачиваясь.

— Бухтарь, уйди!

— Уйду, Румяна, только ты со мной пойдешь, туда, где свет, люди и мать с отцом.

— Уйди, говорю, вредный старик! Я здесь по своей воле! Я сама...

— Это я уже понял, — перебил он, не глядя на девушку, а следя за стоявшим напротив Лехом. — Увидь я тут что-то не по твоей воле, я бы живо выгнул милсдарю гусару коленки в обратную сторону. Однако ж он по-умному решил — лаской донять. Так тоже можно, если мордашкой вышел. Во сколько ты ее честь оценил, милсдарь гусар? Чую архаддирское игристое «Сен-Фроссон» по три серебряных марки за бутыль, по двадцать пять марок за ящик. Недешево, молодец, скупцом тебя не назовешь. Но все равно дешевле, чем сватов засылать, выкуп собирать и свадьбу играть, ага?

Лех Зданек с шумом вдохнул, будто наполняя себя не только воздухом, но и яростью. Румяна, видевшая его спину и

скрытое тенью лицо Бухтаря, вздрогнула, вскочила и перехватила руку юноши. Очень крепко перехватила, как из всех девиц в округе только дочь коваля могла.

— Не смей бить калеку, Господь-Кузнец покарает!

Лех резко обернулся к ней со злым лицом, вырвал руку и быстро пошел прочь, не оборачиваясь. Когда он стал совсем неразличим в темноте, девушка медленно повернулась к Бухтарю. Калека раскуривал свою люльку.

— Ты зачем сюда приперся? — глухим, угрожающим голосом спросила Румяна. — Кто тебя звал, ахог подери?

Он молчал. Табак в чаше разгорался при затяжках, немного освещая Бухтарево неприятное лицо, с вечной печатью сонной усталости.

— От глупости тебя хотел предостеречь.

— Кто просил тебя об этом предостережении? Ты старый несчастный человек, который хочет, чтобы все вокруг были так же несчастны, как и он сам!

— Так-то оно так, но наоборот. Я несчастен, это верно, но оттого я хочу, чтобы вокруг меня всем было счастье, чтобы люди позабыли о боли и скорби. Тогда, наверное, мне будет легче забывать про свою боль и скорбь. Я так думаю.

— Да кто тебя просил?! Кто...

— А меня пока что не надо просить о добром деле, не такая еще я сволочь. И мнение свое мне высказывать не надо. Плевать мне, Румянка, на мнение твое неразумное, тем более что составлено оно не тобой, а гормонами игривыми. Знаешь, что такое гормоны? Нет? Ну и не шибко важно. Идем.

— Никуда я с тобой...

Он ловко схватил ее за запястье, да так крепко сдвинул, что не вывернуться, и потащил обратно на луг.

— Я знаю, чего ты добиваешься, злыдень! Думал, не догадаюсь?! Да мать с отцом мне так рьяно на тебя кивают, что вот-вот головы у них от плеч отскочат! Смотри, мол, Румяна, какой Бухтарь хваткий! Гляди! За ним будешь как за каменной стеной! Тьфу на вас! Тьфу на вас всех!

Бухтарь при этих словах остановился, повернулся к ней, резко замолчавшей от испуга, постоял недолго, а потом рас-

хотелся так громко и искренне, что на глазах у девицы слезы от обиды навернулись. Он отпустил свою пленницу и пошел дальше, а ей ничего не оставалось, кроме как идти рядом.

— Дурында ты, Румянка, — мягко говорил однорукий, поднимаясь на холмик. — Пять лет назад, когда я вернулся домой калекой и увидел, что родную деревню разбойники пожгли, когда по дорогам бродил неприкаянно, когда Дорот меня к вам в дом привел, накормил и обогрел, ты была соплюхой тринадцати лет от роду. Я же тебе свистульки из дерева точил, лук игрушечный справил, показал, как нож метать, ты же истории про мою наемничью долю, почитай, каждый вечер слушала. Про то, как я с Мансом Вдоводелом ходил, как воевал то там, то сям, про то, как я море переплыл и в стране снежных баб побывал. Помнишь?

— Помню, — ответила Румяна и совсем по-детски шмыгнула носом, глядя себе под ноги. По правде сказать, история про то, как Томех плавал за Седое море свататься к королеве женщин-воев, была ее любимой. Матушка неодобрительно цокала языком и возбраняла Бухтарю рассказывать про такую срамоту, но именно эта история была самой приятной для мятежного Румянкиного духа.

— Жениться на тебе, дитя, — это последнее, чего бы я хотел, ведь для меня ты всегда останешься ребенком.

— Ты женишься на вдове Лешек, да? — тихо спросила она.

Бывший наемник рассмеялся опять, но уже тише.

— Ива Лешек баба знатных достоинств, это верно... весьма знатных, с какой стороны на нее ни погляди. Но я не думаю, что когда-нибудь женюсь. Это вообще не столь важно сейчас, Румяна. А важно то, что собиралась сделать ты.

Девушка вспыхнула. Теперь, когда жар внутри поутих, ей стало стыдно.

— Пойми, Господь наделил твоих мать и отца тобою одной. В тебе вся их любовь, в тебе все их надежды, их стержень. Коли ты честь свою опозоришь, представь, как им будет стыдно на улицу выходить. Лех Зданек просто человек, ведомый людскими страстями, не самый плохой, наверное,

но он был бы лучше, кабы заслал сватов, а вместо этого он скоро отправится в Спасбожень записываться в гусарию. И обратно он, скорее всего, вернется через несколько лет уже с женой, да не из кметов либо мещан, а какой-нибудь знатной белой панночкой, что для его продвижения по службе будет сподручна. Жизнь такова, верь мне. Я ее видел, я ее, паскуду, знаю.

Они стояли и смотрели на ромашковый луг, на котором пили, ели, танцевали, распевали песни, прыгали через костры, бренчали на бандурах и целовались люди, справлявшие праздник весеннего равноденствия и день рождения человека, которого среди них не было.

— Батюшке и матушке не расскажешь?

— Не расскажу. Но ты мне дай слово, что не станешь делать глупостей.

— Не буду, Господь мне свидетель. Прости меня, Бухтарь.

— Данх, брхам брутхмхр...

Жизнь шла своим чередом, кметы приступили к весенней подготовке пашен для сева, и у ковалей не было даже лишней минуты продыху. Дорот с дочерью и одноруким помощником правил рабочий инструмент, а то и ковал новый.

С празднования весеннего равноденствия минуло всего несколько дней, когда посреди ночи в Пьянокамне поднялся крик. Кто-то во всю глотку вопил: «Пожар!» — отчего деревенские люди, всегда знавшие, что нужно делать по такому несчастью, выскакивали со дворов с ведрами и опрومتью неслись к ближайшему колодцу.

Но Пьянокамень не горел. Зарево пожара красило ночное небо вдаль, а немногим выше над ним ползла по небу красная комета — вестница бед. К ней за прошедшие годы люди кое-как попривыкли, а вот пожар их не на шутку испугал.

— Кажись, конеферма пана Зданека горит, — сказал голова, — а ну-ка запрягайте!

Огнеборцы обернулись с рассветом черные от сажи, а встретившие их жены и матери принялись неустанно благо-

дарить Бога за то, что никто не погиб в огне. Более того, они привезли с собой выжившего.

Когда Румяна услышала имя, она стала пробиваться сквозь толпу встречавших и вернувшихся, работая локтями, но когда смогла выбраться к телегам, увидела лишь, как кого-то заносят во двор к Бухтарю. Прорвавшись же к его воротам, наткнулась на отца, крепко ухватившего ее за плечо.

— Томех сказал не беспокоить.

— Что там? Кого привезли, батюшка?! Скажи! Его?! Его?! — взмолилась Румяна.

— Уймись! — нахмурился коваль, впрочем тут же дав слабину. — Там... на конеферме творилось жуткое дело, не хочу про это говорить. Из всех живьем мы нашли только Леха Зданека... а ну уймись!

— Пусти!

— Уймись, девка! — вопреки обыкновению рыкнул Дорот, не пуская дочь в Бухтарев двор. — Со всех окружных деревень люди пожар тушить собрались, а потом отправили гонца в Сгвиров за лекарем и стражей, но пока их нет, за несчастным парнем Томех приглядит. Он сказал, чтобы не мешали ему, ясно? А теперь домой и за работу!

День был потерян для нее. Румяна трудилась вместе с отцом, глядя на мир пустыми глазами. Она была бледна как привидение, работала без души и внимания, а когда отцу это надоело, он прогнал девушку в дом и запретил выходить. Она не хотела есть, не хотела пить, лишь сидела на лавке и смотрела в окно, кусая нижнюю губу, пока мать не закричала, увидев кровь.

Когда ночь усыпила Пьянокамень, Румяна тихо выскользнула из дома и вскоре залезла во двор к Бухтарю. Благо собаки однорукий не держал и она смогла пробраться под самое окно, где горел свет. Встав на цыпочки, девица заглянула внутрь и увидела, как хозяин ходит туда-сюда по комнате, складывая разную всячину в кожаную сумку. Пока Бухтарь метался из стороны в сторону, явно торопясь, девушка изо всех сил старалась лучше разглядеть того, кого уложили на две поставленные рядом лавки, но край стола закрывал обзор, отчего она мелкими шажками стала двига-

тятся влево, пока не задела ногой пустое ведро. Оно негромко стукнулось, упав, а Румяна присела и сжалась в комок. Ничего. Пьянокамень спал, а Бухтарь был так занят своими делами, что не заметил звука снаружи. Так Румяна решила, прежде чем крепкие пальцы схватили ее за шкуру, и, не успев даже пискнуть, дочь коваля оказалась втащена в дом.

— Думал, что ты раньше придешь, — буркнул он, вернувшись к сумке как ни в чем бывало.

— Думал? — Она глядела только на сплошной кокон из бинтов и одеял, лежавший на лавках.

— Да. Я же знаю тебя, Румянка. То, что ты явишься посреди ночи, было очевидно.

Она сделала крохотный шаг, другой, ощущая сильный запах мазей и... гари, исходивший от Леха.

— Он... живой? — пролепетала она.

— Живой. Но зрелище страшное. Над бедолагой поработал не только огонь. Погляди, если духу хватит.

Бухтарь не обращал на нее внимания, продолжая записывать в свою сумку какие-то бумаги, банки, бутылки, кофеечки, будто та была бездонной, а Румяна, казалось, целую вечность преодолевала жалкие три локтя. Тряпка на лице раненого едва-едва шевелилась, тревожимая дыханием, и девушка поклялась самой себе: что бы там ни оказалось, она не отдернет руки, не отвернется и не закроет глаз. Румяна сорвала ткань и бессильно осела на пол, клятву, впрочем, сдержав. Лицо Леха блестело от покрывавшего его жирного слоя мази, но было оно невредимо.

— Ах ты старый злой сукин сын...

— Прости, молодка, — глухо усмехнулся Бухтарь, встав рядом, — воистину дурная шутка. Но если бы ты видела его лицо этим утром, твой визг услышали бы и в Спасбожене. Я восстановил его с самых основ и даже успел переговорить с парнем, прежде чем он совсем ослаб. Благодарю Господа за то, что я неплох в целительском искусстве.

Бухтарь зашаркал к печке, выложил на стол крынку с молоком, миску хлеба и пару кружек. Козьим молоком его исправно снабжала вдова Лешек — уж очень калека его любил.

Сев на свободную лавку, он плеснул в кружки и кивнул Румяне на табурет. Та, пытаясь понять только что услышанные слова, бездумно повиновалась, села, взяла кружку и отпила, лишь тогда встрепенувшись: молоко оказалось ледяным.

— Он будет жить, и он будет здоров, — продолжил Бухтарь, — я восстановил ему все мышцы, исцелил нервную систему и внутренности от тепловых повреждений, вернул весь кожный покров, и теперь он просто спит глубоким сном. Через несколько дней кожа окончательно приживется, а дотоле ты будешь за ним ходить и его утешать. Парень потерял всю семью, и всю его жизнь пожрал огонь, так что постарайся заставить его лежать смиренно и не раздражать новые ткани.

Румяна вроде бы и слышала, что он говорил, и даже понимала что-то, но в то же самое время и не понимала вовсе. Большая часть ее головы была занята мыслями об одном только Лехе, но оставшаяся часть кричала о том, что Бухтарь... *неправильный*.

— Это все по моей вине, — вдруг сказал калека, — это я виноват.

— Ты? — удивилась она.

— Они искали меня. Я-то думал, что хорошо схоронился, но они меня искали все эти годы. Страшно подумать, сколько сил бросили на поиски, если всего за жалких пять лет успели добраться до такой глуши.

— Они? Кто они? Кому ты сдался так сильно, что из-за тебя людей огнем жгут?!

— Не твоего кметского ума дело, — ровно ответил Бухтарь и посмотрел на девушку из-под нечесанных волос, которые всегда падали на его глаза и лоб.

Привставшая было Румяна в страхе плюхнулась обратно. Там, у ручья в темноте, когда Лех едва не ударил Бухтаря, ей привиделось на краткий миг, будто глаза калеки вспыхнули. На самый-самый краткий миг. Это так напугало ее, что девица вскочила и схватила юношу за руку. Потом она убеждала себя, что, конечно, лишь защищала однорукого старика, но именно в тот самый миг она *знала*, что если Лех

ударит Бухтаря, то с ним, с Лехом, произойдет нечто страшное, и надо было любой ценой спасти возлюбленного.

Вот и опять полыхнули глаза Бухтаря лишь на краткий миг, но теперь Румяна была уверена.

— Ты... кто?

— Беглый магик, примеривший на себя личину другого человека. Пять с лишним лет назад я случайно встретил твоего отца, и так случилось, что спас его от смерти. Помнишь, он ездил в Ирду на соревнования ковалей? Так вот на обратном пути у его телеги сломалось колесо, он стал близ лещочка вечером, а как солнце зашло, на охоту вышли осклизни¹. К его удаче рядом случился я. В благодарность Доррот, узнавший, что я бродяга, позвал к себе. Как я у вас в Пьянокамне прижился, ты знаешь, а вот теперь пора уходить. Беда слишком близко подобралась, еще чуть-чуть — и она заявила бы прямо сюда.

Они сидели молча — мрачный Бухтарь, тянувший козье молоко, и бледная Румяна, смотревшая на него.

— Не верю, — наконец прошептала она, — не верю.

Бухтарь отставил кружку, глянул на нее исподлобья и вздохнул.

Сначала изменились глаза, из светло-карих став совершенно нечеловеческими, бледно-желтыми, потом лицо стремительно потеряло все знакомые черты — оно стало уже, длиннее, острее. Последними были волосы — из седовато-русых они превратились в падающие на плечи и спину пряди, совершенно седые, кроме одной, иссиня-черной. В новом облике Бухтаря была только одна знакомая черта — длинные складки, которые, постепенно истончаясь, пролегали от внутренних уголков глаз по обеим сторонам от носа к уголкам рта. Когда-то матушка сказала, что это пути, протоптанные слезами на лице очень несчастного человека, хотя Румяна никогда не видела, чтобы Бухтарь плакал.

¹ Осклизень — чудовище, сухопутный моллюск, охотится стаями, быстро катя свою колесообразную раковину с помощью щупалец. Ядовит, плюется кислотой. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Дочь коваля замерла ненадолго, а потом набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать. Бухтарь вскинул руку и сделал пальцем быстрый жест, будто перегоняя костяшку по спицам счетов, — крик так и не прозвучал, хотя Румяна старалась.

Тот, кто звался Бухтарем, встал из-за стола, накинул на плечи шерстяной плащ, надел соломенную шляпу, повесил на плечо сумку и взял стоявшие в углу трезубые вилы.

— Дом этот и все, что в нем, оставляю тебе, Румяна. И ему, возможно, если сойдется. Я был не прав, все-таки этот парнишка оказался хорошим человеком. Они пытались его, выведывая про меня, искали калеку-волшебника с покалеченной рукой и желтыми глазами. Конечно, парень не мог меня опознать, но когда они допытывались о новых людях, появившихся за последние годы, он не сказал им про меня. Знал, что они придут сюда. Но не меня он покрывал, а тебя и твою семью. Видать, что-то там у него внутри к тебе есть, что-то очень сильное. Прощай, Румянка, и прости меня, если сможешь.

— Постой! — Она вскочила, внезапно понимая, что дар речи вернулся. — Как хоть звать-то тебя по-настоящему?

— Тобиус.

— Вот те на... ну и срам!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он добрался до сгоревшей конефермы пешком, попутно отмечая, что потерял ходкость. В прежние времена Тобиус мог широко шагать целыми днями без отдыха, мутировавший организм позволял, но за прошедшие годы он немного заостенел. Почти пять лет серый маг жил оседло, его тело привыкло к этому, и теперь возвращение к бивачной жизни обещало стать неприятным испытанием.

Все, что могло сгореть на конеферме, уже давно превратилось в золу и пепел, огонь уничтожил хозяйственные постройки, а животные, не погибшие в нем, покинули разрушенные загоны и разбежались во все стороны. Наверняка кметы скоро переловят всех «ничейных» лошадей, но дотоле многие погибнут от зубов и когтей зверя либо чудовищ, иным повезет самим найти путь к человеческим жилищам.

У дороги стоял фургон, возле которого суетились люди в легких доспехах, с саблями на поясах. Другие люди ходили по пепелищу и лазали по черневшим невдалеке развалинам особняка семьи Зданеков. Средних лет сержант, оглядывавший это печальное зрелище стоя у фургона, заметил Тобиуса.

Его подозревали и осведомились — кто он таков? Маг представился странствующим эстрийским мастеровым и сыграл простолюдина так убедительно, что офицер из Сгвирова поверил.

К дороге вышел стражник помоложе и протянул сержанту лежавший на тряпице предмет, который при беглом взгляде напоминал не то какой-то гвоздь, не то бесхитрый стилос. Тобиус впился в него взглядом, ощутив магию.

Сержант заметил этот взгляд и велел «случайному прохожему» ступать дальше.

Когда конеферма скрылась из виду, серый маг сошел с дороги, воткнул в землю вилы, наложил на себя чары Глазотвода и, вернувшись обратно, стал следить за работой стражников. Наконец Тобиус заметил того, кто подал сержанту находку, — стражник стоял над мертвой лошадию в большом пустом загоне. Даже на изрядном расстоянии вокруг туши чувствовалась сбивающая с ног трупная вонь. Другой стражник нехотя подошел, отмахиваясь от мух и зажимая нос.

— Нашли? — спросил тот, которого запах не смущал.

— Нет, — прогнусавил второй. — Их тут всего три мертвые скотины, но те две вчера померли, наверное, споткнулись, и обезумевший от страха табун задавил, а эта, о господи, эта, похоже, гниет здесь уже неделю!

— И в ней я нашел ту штуку.

— Как ты можешь здесь стоять? Меня сейчас вырвет!

— А ведь когда я доставал ту штуку, туша еще не была такой гнилой, — задумчиво бормотал стойкий стражник.

Тобиус был не из брезгливых и спокойно приблизился к туше. Степень омертвения тканей скотины действительно говорила о том, что она успела пролежать под палящим солнцем несколько дней. А ведь такого просто не могло быть при живых хозяевах.

Вернувшись на дорогу, он успокоил заволновавшихся лошадей и вплотную подобрался к сержанту. Находка лежала у того на открытой ладони, и офицер мрачно взирал на нее, хмуря брови. Волшебник, не мудрствуя лукаво, сграбастал стержень вместе с тряпкой и тут же перенесся к своим вилам. В следующий миг артефакт упал на землю, а Тобиус принялся сдавленно изрыгать проклятия — там, где его кожа коснулась металла, проявились ожоги от потустороннего холода.

Спустя час пути он нашел уединенное местечко на развалинах маленькой заброшенной фермы. Подготовив ритуал, волшебник уложил в центр выведенного на земле круга свою находку и открыл изъятую из сумки книгу заклина-

ний. Последовала длинная череда словоформул, после чего из сумки появилась большая медная чаша с цепочкой таинственных знаков вдоль края и деревянный диск, к которому Тобиус прикрепил серебряный стержень. Наконец маг сгустил из воздуха воду, наполнил ею чашу и положил диск внутрь. Ему повезло. Если бы прежний хозяин этого стержня озаботился хоть какой-то защитой от магической слежки, Тобиусов трофей не повернулся бы на воде и не указал бы острым концом в нужную сторону.

Взяв этот волшебный компас и пробудив Крылья Орла, маг поднялся в небо, а вилы полетели рядом с ним.

Следящий артефакт вел в области лесистые и скудные людьми. Стало понятно, что цель полета близка, когда компас принялся то и дело менять направление, будто маг слепо кружил над нею. Внизу уже некоторое время текла речка, один ее берег порос невысокими кривыми деревьями, а на противоположном тянулась дорога, по которой двигался поезд из трех больших фургонов, сопровождаемых отрядом конных и пеших конвоиров.

Маг опустил на заросший крутой берег и двинулся параллельно поезду, то и дело разглядывая его через Истинное Зрение.

Ночевать Тобиус собирался на каком-нибудь дереве, но чем темнее становилось, тем яснее он понимал, что поезд не остановится. Фургоны продолжали катиться по дороге всю ночь в полной темноте. Это был первый и самый тревожный знак для мага. Вторым знаком стало то, что на следующий день поезд ни разу не остановился для привала и ухода за животными, а конвоирам, судя по всему, не требовалось справлять природные нужды.

Руководил всем человек благородной наружности, который ехал впереди на хорошей лошади, облаченный в дорожный плащ, кавалерийские сапоги и широкополую шляпу с черными перьями. Из-под плаща выглядывала блестящая кираса и кружевной воротник, на поясе висела шпага и пистолет. За время пути этот господин не издал ни звука. Он не заговорил, даже когда поезд вынужденно остановился по

причине перегородившего дорогу разбойничьего завала. Началась стрельба.

Все прошло быстро и очень странно. Солдаты конвоя окружили и взяли в клещи разбойников, откровенно плюя на вражеский огонь. Волшебник видел, как попадание куска свинца сбило с ног одного из защитников поезда, но тот сразу поднялся и безмолвно продолжил путь, а из некоторых других по окончании действия торчали арбалетные болты. Теперь Тобиус точно знал, с кем имеет дело, несмотря на то что Истинным Зрением он все еще видел ауры простых смертных.

Всех разбойников взяли живьем, больше дюжины людей были приволочены к фургонам, лишь после чего предводитель покинул седло с собственным арбалетом в руках. Маг молча следил за тем, как он всадил по болту в пятерых мужчин подряд, потом достал длинные тонкие щипцы и под вопли еще живых принялся извлекать снаряды из трупов. Это повторялось до тех пор, пока все четырнадцать человек не погибли. К тому времени солдаты разобрали завал, и поезд двинулся дальше без потерь.

Тобиус перелетел через реку и приземлился рядом с валившимися на дороге телами. Он не удивлялся тому, что убитые на его глазах разбойники, коим «посчастливилось» нарваться на слишком опасную добычу, уже смердели как недельные висельники.

Следующим утром, оставив поезд, маг нашел место, где от речной дороги в сторону уходило ответвление, и устроил там ловушку. Он вплеп в землю заклинание Солнечный Костер с обширным радиусом поражения, после чего скрылся.

Когда поезд показался на ближайшем изгибе дороги, время шло уже к полудню. Предводитель, миновав развилку, повернул на ответвление, и фургоны с конвоем следовали за ним, пока Тобиус не пробудил заклинание. Волна золотистого света ударила из-под земли, а когда она схлынула, не было ни конвоиров, ни лошадей, лишь пустые доспехи, упряжи, три замерших фургона и ползущий прочь безногий командир.

Он услышал шаги, перевернулся на спину и поднял арбалет, но, увидев, кто идет, поменял его на пистолет. Волшебник вмиг перенесся к раненому, выбил оружие, проткнул вилами руку, пригвозждая ее к земле, а потом из распахнувшейся сумки вылетел ритуальный нож и пригвоздил к земле вторую. Тобиус направил раненому в лицо указательный палец, на кончике которого светилось Перламутровое Шило.

— Кто ты такой?

Аура все еще утверждала, что маг имел дело с человеком, но он уже знал, что это фальшивка. Якобы живой человек не дышал, из обрубков его ног очень вяло сочилась черная жижа, а вилы и нож не причиняли особых мучений. В довершение всего зрачки врага светились фосфорной зеленью.

— Я — лермазу, — хрипло ответил он.

Тобиус медленно отстранился, что дало безногому шанс: он распахнул рот и изрыгнул воющий сгусток энергии, который унесся ввысь.

— Хозяин узнает, что я нашел тебя, что ты жив. Он тоже тебя найдет.

Серый маг нахмурился и сердито вздохнул. Что ж, всего не предугадаешь.

— Полагаю, допрашивать тебя бесполезно?

— Я не сказал бы тебе ничего, даже если бы мог, — улыбнулся безногий, — так что избавь нас обоих от долгого и скучного допроса. Убийство воссоединит меня с хозяином, держай.

По воле волшебника земля обхватила и сковала правую руку пленника, ритуальный нож был извлечен, его зачарованное бронзовое лезвие легко срезало с груди нежити блестящую кирасу и распороло одежду. Созданные опытными некромантами лермазу лишь имитировали людей, но под одеждой их туловища являлись каркасами из черных ребер, покрытых полупрозрачной зеленой плотью, а внутри, в призрачном котле некротической магии, беззвучно стонали души, отнятые у живых.

Волшебник медленно протянул руку к некротканям, но отдернул ее, когда изнутри подалось нечто похожее на лицо. А потом эти «лица» начали «всплывать» тут и там, натягивая плоть в бессильных попытках вырваться. Где-то там томились души Миклоя Зданека и его домочадцев, а также разбойников, убитых вчера.

Тобиус не умел изгонять, подчинять или допрашивать нежить, в лучшем случае он мог ее уничтожить, если она была материальна. Но маг медлил, размышляя о том, что станет с душами, если просто уничтожить лермазу. Взгляд упал на арбалет.

Черное изящное ложе украшали посеребренные рельефы в виде переплетения костей и черепов с изображениями червей, мух и стервятников, а также строчками восточной вязи. Приклад был искусно вырезан в виде распахнутой шакалей пасти. В ложе покоился острый штырь, точная копия того, что Тобиус украл у стражников.

— Почему ты перестал улыбаться? — спросил маг, наводя артефактное оружие на нежить.

Щелчок, громкий чавкающий звук. В ушах взорвалась какофония десятков голосов, и перед глазами промелькнули спутанные переплетенные картины из чужих жизней. Это продлилось всего лишь миг, но Тобиус рухнул рядом с упокоенным трупом. Так и пролежал несколько часов, буд-то парализованный.

Когда желание жить хоть немного проявило себя, волшебник поднялся, с трудом управляя телом. Во вскрытых фургонах он обнаружил трупы, наполненные консервирующими бальзамами. Отряд нежити, рыскавший по Диморису, собирал для кого-то не только души, но и рабочий материал. Он достал из сумки три колбы с белым фосфором и закинул их по одной в каждый фургон. Вернувшись к мертвой оболочке лермазу, серый маг обыскал ее. Вся добыча составила артефактный арбалет, кожаный ремень с шестью гнездами, четыре из которых занимали блестящие серебром стержни, перевязь со стальной шпагой, пистолет, небольшой запас пуль и пороха. Два оставшихся стержня были возвращены в гнезда на ремешке.

Достав из сумки синий свиток, Тобиус пробудил его чары — синяя бумага на глазах удлинилась и, извиваясь змеей, свернулась вокруг трофеев, после чего они исчезли из привычной реальности, будучи упакованными в двухмерную реальность свитка.

Когда фургоны догорели, волшебника уже и след простыл.

Как и большинство столиц Вестеррайха, столичный град Димориса Спасбожень стоял на судоходной артерии — Вейцсле. В прежние века город был деревянным и часто горел, но к году одна тысяча шестьсот сорок первому столичный детинец, а также обширные центральные районы уже давно были одеты в белый камень.

Ладя, на которой Тобиус купил себе место, миновала охранные суда и вскоре вошла в огромный порт Спасбожени. Продолжая находиться под присмотром бойниц высокой белой башни, она причалила среди десятков подобных судов. Волшебник спустился по сходням, притворно хромя и опираясь на вилы как на посох. Голову он держал низко, чтобы поля шляпы скрывали глаза.

Серый маг умел временно деформировать свое астральное тело, меняя очертания ауры, и считал это небольшим преимуществом мутировавшего генома. Так, с помощью медитации он мог «слепить» себе ауру простого человека или же выдать себя за другого волшебника. Когда скрываешься от собратьев по Искусству, такой талант очень полезен.

На портовых воротах пришлось незаметно передать стражнику лишнюю серебряную полумарку вместо несуществующих документов.

Еще в порту Тобиус почувствовал на себе чье-то назойливое внимание. На привозе всегда ошивалась куча соглядатаев, докладывавших разным господам, кто приплыл в столицу, а господа могли быть самыми разными, в том числе и опасными. Потому, миновав ворота, серый маг сделал все, чтобы затеряться. Шагая по улицам припортовых районов и дыша запахом рыбы, древесины, скота, лярда, смолы,

сточных вод, он уже мечтал о том, чтобы поскорее где-нибудь затаиться.

Тобиус был вынужден податься в столицу по нескольким причинам: во-первых, у него было мало денег и много вещей, которые он мог бы обменять на недостающие деньги; во-вторых, если по его следу шли некроманты — Кузнец ведает, что им от него понадобилось, — то спрятаться от них в большом городе было проще.

Лишь обзаведясь деньгами, он мог покинуть Папскую Область и отправиться в горы. Дракониий Хребет очень велик, в этом царстве пропастей, долин, плато и пиков, грозящих небу снежными острями, хватало места для тысяч разнородных племен, и один маленький волшебник легко потеряется там навечно. Но для путешествия нужны были деньги.

— Прочь с дороги, мелкота! — пробасил мохобород, прохаживший мимо с огромной бочкой на плечах.

Представителей этого вида вблизи порта крутилось огромное множество, так же как и гномов, гоблинов и даже невысокликов. Мохобороды были гигантами высотой в полтора человеческих роста, очень похожими на самих людей, разве что довольно уродливыми, четырехпальными и клыкастыми, с гротескно утолщенным и массивным телосложением.

Кормилен, борделей, подпольных игорных домов и особенно съемных жилищ близ порта было в достатке, но волшебник постарался найти самое неприметное местечко. Он нуждался не в комфорте, а в скрытности, и «Серая собака», затерявшаяся в лабиринте окраинных улочек, вполне его устроила.

Последовавшие дни, и особенно ночи, наполнились блужданием по значным местам, где волшебник присматривался к людям и нелюдям. Ему было трудно осуществить задуманное, не имея нужных связей. Несмотря на свой несурзанный, в общем-то, вид, он смог устроиться вышибалой в один кабачок, где редкий вечер проходил спокойно.

Скоро Кривой Кмет, раздающий пинки охамевшим голворезам, приобрел скромную, но заслуживающую некоторого уважения репутацию, и некий богатый ростовщик предложил ему более высокооплачиваемую работу. К тому

же одним вечером хозяйка кабачка, где он зашибал свой грош, намекнула, что за день до того неподалеку крутились какие-то люди, им интересовавшиеся. Тобиус понял, что пора убираться в другое место.

На новой работе он принялся выколачивать долги. Неприятная и унижительная работа, которой обычно занимались мохобороды, давалась ему достаточно легко. Так в Спасбожене прошел почти месяц, и лишь после этого появилось имя, с которым Тобиус мог подойти к дельцам с черного рынка и не быть посланным в Пекло.

Поздним вечером в начале месяца эйхета Тобиус наведался в харчевню «Блестящее корыто», где имел беседу с двумя торгашами с черного рынка, — гномом и невысокликом. Он передал им образцы своих овеществленных заклинаний, хождение коих в продаже на территории Папской Области было категорически запрещено. Но, как известно, где запреты, там и деньги. Дельцы сказали прийти на следующий день, после того как их специалист проверит товар.

Следующим вечером один из потенциальных партнеров встретил Тобиуса раньше, чем тот добрался до «Блестящего корыта». Это насторожило мага, и он приготовился пустить в ход вилы, хотя невысоклика сопровождали телохранители — мохобород и человек.

— Все в порядке, Кривой, мы с хорошими вестями.

— Вам же лучше, если так.

Мохобород почувствовал исходившую от серого волшебника угрозу и зарычал, показывая все восемь острых клыков. От гиганта сильно тянуло мускусом.

— Тише, тише, что за недоверие? Мы нашли богатого покупателя, которому нужны свитки с чарами Исцеления, транспортные и защитные артефакты. У тебя это есть?

— Да.

— Нужно много, не меньше дюжины свитков и столько же Прыгунов.

— Да.

— Отлично! А вот если бы у тебя было какое-нибудь боевое...

— Ничего такого, — твердо ответил Тобиус.

Ему уже не раз выпадала возможность получить неплохие деньги за работу более грязную, чем та, на которую он был согласен, и приходилось отказываться. В принципе он мог создать боевой артефакт, зарядив его Молнией, Сосулькой, Огненным Шаром, но это тоже находилось за гранью того, на что он был готов. Нельзя простым смертным доверять магическое оружие, они и с обычным слишком хорошо справляются.

— Жаль. Завтра на закате мы будем ждать тебя у колодца старины Стефана. Чтобы ты не думал, будто мы хотим тебя обобрать, нервный парень, вот задаток. Не тушуйся, бери.

Невысоклик бросил ему кошель, но Тобиус уклонился, не сводя взгляда с потенциальных противников. Те поняли, что им лучше идти, и только когда троица скрылась, он поднял кошель.

По возвращении в «Серую собаку» маг пересчитал деньги и задумался — а не рискнуть ли ему и не сбежать ли? Если держаться вдали от городов и больших поселений, экономить и питаться охотой, можно было обойтись и имеющейся суммой. Тобиус уже жил лесной жизнью, когда изучал Дикую землю.

Несладкие воспоминания будто спровоцировали внезапный приступ боли. Давно такого не было. Волшебник лежал на тонком соломенном матрасе, свернувшись калачиком, и скрипел зубами, стараясь не шевелиться.

Ах, как прекрасно было бы просто долететь до гор! Всего несколько дней быстрого полета — и он бы достиг царства гномов, а там принимали любого, кто мог предложить полезные навыки, и обратно не выдавали. Но лишь птицы могли свободно летать по небу, а вот за летучими волшебниками следили иные волшебники, промеж которых была поделена земля. Даже в родном Ривене, где для магов была вольница, нет-нет да и приходилось предьявлять медальон как знак принадлежности к выпускникам Академии, а в государствах Папской Области помимо медальона обязательно проверяли и церковный патент на право использования Дара. Просто так можно летать только над бесхозной терри-

торией, где-то возле границы с Дикой землей. В окрестностях Пьянокамня, к примеру. А ведь у Тобиуса имелся и медальон, и патент, но он уже пять лет числился в розыске как среди волшебников, так и среди слуг Господних и быть найденным не желал совершенно. Нужны были деньги на дорогу, чтобы и дальше притворяться простым человеком.

Он явился в назначенное место за два часа до заката, но к колодцу не приблизился, а поднялся на старую, уже не использовавшуюся каланчу и засел там. Небольшой, поросший сорными растениями квадрат незастроенного пространства, со всех сторон зажатый стенами заборов и изб, пустовал. За все время ожидания лишь бездомные, на удивление крупные собаки пробегали по пустырю, и больше никого видно не было.

Подпольные торговцы пришли вовремя, а клиент, солидного купеческого вида мужчина средних лет, заставил немного себя подождать и явился в сопровождении пары телохранителей. Две группы людей и нелюдей лениво переговаривались, стараясь скрыть нервозность. В интересах и тех, и других было как можно скорее обменять товар на деньги и разойтись.

Тобиус внимательно изучил округу, не заметил ничего подозрительного и решил, что хватит заставлять их ждать. Когда волшебник появился в густевших сумерках, до его ушей донеслось громкое «А вот и он наконец!». Тобиус передал товар нетерпеливо ворчавшему гному, а тот разложил свитки и стеклянные палочки, мягко светившиеся голубым, на земле. Рядом с артефактами один из телохранителей покупателя уложил мешочек с золотыми марками. Обмен состоялся, и гном двинулся обратно.

Сразу за тем что-то пошло не так, бородач вдруг резко замер с распахнутыми от удивления глазами; лица покупателей тоже изменились. Волосы на затылке Тобиуса встали дыбом, а через миг он оказался на земле, разбитый магическим Параличом. Та же участь настигла и всех остальных участников сделки.

— Сучий сын! Сучий сын! — стонал гном. — Отродье червивой матки подземного демона! Гнида, вот ты кто, Олек!

— Умолкни, паршивый подземный карл! — прозвучал неестественно высокий мужской голос.

Тобиус краем глаза следил, как некто в длиннополом одеянии прошел к гному и хорошенько пнул его по почкам, добавив для острастки второе заклинание Паралича. Ткань пространства пошла рябью, и возле колодца открылась арка портала, из которой выехал фургон городской стражи. Слуги закона принялись вязать бессильную добычу и грузить внутрь.

— Кажись, вот этот продавал контрабанду, гляньте на него, мудрейший, не будет ли хлопот?

— Простой смертный, — презрительно вымолвил присутствовавший волшебник, бегло изучив ауру Тобиуса, — отвезите в околоток и выбейте из него правду! Старейшинам Ока Посвященных¹ будет любопытно узнать, где он раздобыл товар!

— Будет исполнено, мудрейший!

Тобиус безмолвно поблагодарил Господа-Кузнеца за то, что тот так щедро удобрил землю лентяями и бездарями, не способными распознать волшебника на расстоянии вытянутой руки. А ведь все это могло закончиться в подвалах Инвестиляции.

Несмотря на то что всех арестованных запихнули в один фургон, а потом еще и везли, не выбирая дороги, когда двери открылись, Тобиус был уже в порядке. Он успел невербально прочитать контрзаклинание и избавиться от чар. Собратьям по несчастью было тяжелее, гном беспрестанно стонал и плевался проклятиями.

Бежать маг не пытался, а смиренно зашагал в большой дом. Вскоре он вместе с гномом оказался заперт в деревянной клетке-камере; в соседнюю затолкали невысоклика и одного из телохранителей — человека. Еще дальше томился несостоявшийся покупатель со своей охраной. Кажется, он рыдал.

¹ Магическая школа Димориса.

Когда стражники убрались, Тобиус молниеносно приблизился к гному, схватил его за горло и, прилагая немалые усилия, оторвал от пола.

— Скажи-ка, друг, что это все значит? — Лицо мага словно пошло трещинами вздувшихся вен, по которым от сердца стали подниматься потоки темной крови.

Гном честно пытался что-то хрипеть, его сильные пальцы сдавили Тобиусу предплечье, но боль только прибавляла тому ярости и сил.

— Отпусти его, Кривой! Он ни в чем не виноват! Как ты не видишь, что Бахону досталось больше всех! Это Олек нас продал! Стража, убивают! Стража!

Гном упал на пол и стал надсадно кашлять, плевать, натужно сыпать проклятиями, но особо резко шевелиться не смел. Он был не на шутку испуган и чувствовал, будто стальные пальцы все еще сдавливали его глотку.

— Что за Олек?

Бахон медленно отполз к решетке, за которой кудахтал его подельник, и еще какое-то время тер горло под бородой.

Олек, по словам невысоклика, был средней руки магом из Ока Посвященных, который подрабатывал тем, что проверял магические товары для дельцов черного рынка. Данные субъекты вели с ним дела уже три года кряду, пока наконец сегодня этот вероломный человек не предал их на ровном месте.

— Я поворачиваюсь, уже иду к вам — и тут вижу, как этот dhafs'ghurdarshaa¹ вылетает из колодца, улыбается, гнида, так подленько, а потом как даст своими дерьмочарами, gob'herst scruul unfegart!² А потом еще раз!

Гном изрыгнул несколько проклятий на гонгаруде, наконец выдохся, тихо застонал и спрятал лицо в широких ладонях. Природный иммунитет к магии сыграл с ним злую шутку: первый Паралич подействовал слабо, зато во второй Олек вложил больше сил и все же обездвижил гнома, крепко травмировав нервную систему.

¹ Воспаленный ректальный сфинктер пожилого крота (гонг.).

² Зловонная и скользкая кучка, наваленная подлым гоблином посреди пещеры (гонг.).

Двумя незаметными жестами и невербальной словоформой Тобиус рассеял все негативные эффекты, после чего подошел к зарешеченному окну. Он смотрел в ночь и думал, пока гном радовался внезапному облегчению. Впрочем, радость его быстро угасла.

— А самое подлое, что этого червя нельзя с нами на ка-торгу утащить! Он-то верняк в любом разе отбредется, мол, входил в доверие к преступникам, а я, если вообще заговорю со стражей, приговор себе подпишу! Все, прощай родная гора, здравствуйте чужбинные каменоломни!

— Не кисни, Бахон, может, нас диаспора выкупит?

— Диаспора? — издеваясь, повторил гном. — Чья диаспора, рвать твою кормилицу?! Моя или твоя? За тебя, может, и попытаются положить что, а ради меня, попаданца, мои сволочные родичи и марки медной не предложат! Да и не выкупаются те, кто с магией связался, Церковь не позволяет, ты разве не...

— Что будет дальше? — Голос Тобиуса зазвучал так неожиданно и был столь спокоен, что гном вжался в решетку спиной.

— Дальше будет допрос, Кривой. Завтра поутру в околоток явятся дознаватели от Церкви и Ока или тебя к ним отправят. Да и начнут они выпытывать — мол, откуда взял, где нашел?

Тобиус кивнул, отошел от окна и сел посреди камеры, поджав под себя ноги. Через некоторое время Бахон так осмелел, что приблизился к нему и помахал перед лицом рукой.

— Он это чего? — подал голос человек, посаженный с невысокликком.

— Кажись, спит с открытыми глазами. И пусть, — ответил гном, пятясь, — а то мне как-то не по себе рядом с ним. Хватка у этого душегуба как у грנדеля¹, хрен вывернешься, пускай уж лучше спит.

¹ Крупное антропоморфное чудовище, обитающее в горах, очень жестокое и кровожадное. Обладает примитивным разумом, создает украшения из останков своих жертв.

Он понимал, что опоздал, надо было бежать раньше. Ни в руки Церкви, ни в руки Ока попадать нельзя. Если придется, он и в Дикой земле схоронится. Пусть там и смерть на каждом шагу, но ему-то не привыкать.

Тобиус вынырнул из медитативного состояния за час до рассвета, к этому времени все остальные узники уже спали, а он вновь привел астральное тело в порядок и установил стабильную связь с Даром. Теперь не составило бы труда вырваться из холодной или сбежать незримо. Прежде чем Тобиус решил, как именно ему следует поступить, снаружи слышались шаркающие шаги.

Один из стражников приближался, неся в руке плоску с фитилем, торчащим из сала, и, шурясь, заглядывал сквозь решетки.

— Ты, кривой, на выход!

— Я? — удивился Тобиус.

— Нет, мля, тот третий кривой слева! Живо на выход, сучий потрох!

— А мы?! — всполошился спросонья гном.

— Вы тоже сучьи потрохи, но вы сидите дальше!

Его вывели в помещения стражи, где всучили плащ, шляпу, вилы и сумку. Ее, конечно, обыскали, но чужакам сумка Тобиуса всегда открывалась удручающе пустой. В том случае, когда вообще открывалась. Если же в нее заглядывал волшебник более одаренный и внимательный, чем некто Олек, и если этот волшебник ухитрялся поддеть скрытые измерения, то он рисковал остаться без руки или даже головы, потому что внутри обычно дремал Лаухальганда.

— Меня отпускают?

— Велено вывести за порог. Запрещенного товара тебе не вернут, конечно, но об остальном не ведаю, — ответил стражник, выводя Тобиуса во двор.

За воротами стояла большая карета с фонарями, возле открытой дверцы которой замер дородный немолодой диморисиец, седой и богато одетый. В его усах блестели золотые и серебряные кольца, а на пальцах сверкали крупными самоцветами перстни.

— Это вы! Какое чудо встретить вас спустя столько лет!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	22
Часть вторая	205